

УДК 1(091)(47)

ББК 87.3(2)6

Б48

Текст печатается по изданиям:

Бердяев Н.А. О назначении человека. —

М.: Республика, 1993. — (Б-ка этич. мысли);

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. —

М.: Республика, 1995. — (Мыслители XX века)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Составление и вступительная статья

В.Н. Калюжного

В издании в основном сохранены

орфография и пунктуация автора

Подписано в печать 22.04.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 1035.

Бердяев Н.А.

Б48 Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев; Сост. и вступ. ст.
В.Н. Калюжного. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков:
«Фолио», 2003. — 701, [3] с. — (Philosophy).

ISBN 5-17-019070-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 966-03-1545-7 («Фолио»)

В настоящее издание включены два произведения выдающегося русского мыслителя Н.А. Бердяева (1874—1948) «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931) и «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939). Ключевая тема этих произведений — человеческая личность, рассматриваемая философом в контексте непреходящих вопросов: добро и зло, любовь и свобода, духовность и творчество.

Читатель получит представление о специфике философской позиции Бердяева, сочетающей персонализм и экзистенциализм.

УДК 1(091)(47)

ББК 87.3(2)6

© Составление и вступительная статья.
В.Н. Калюжный, 2003

© Художественное оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2003

ЛИЧНОСТЬ: МЕЖДУ МИФОМ И ФИЛОСОФИЕЙ

Что есть личность?

Начнем с напоминания, что знак, слово, звуковую форму следует отличать от того, что за этим стоит: от предмета, образа, смысла.

Слово «личность» — достаточно новое в русском языке. Едва ли не единственная ориентирующаяся на него народная мудрость — «Дело не в личности, а в наличности», — уходит своими корнями скорее в буржуазное, нежели в патриархально-крепостническое прошлое.

Обращаясь к основоположнику русского литературного языка, мы находим у него четырнадцать употреблений слова «личность». Однако в десяти случаях Пушкин использует его в архаическом значении «оскорбительный выпад против определенного лица», например: «На эту личность я не отвечал, хотя она меня глубоко тронула». В стихах это слово встречается лишь единожды, да и то в эпиграмме: «Иная брань, конечно, неприличность, / Нельзя писать... все это будет личность». В современном языке с этим устаревшим значением мы сталкиваемся в обороте «перейти на личности», который означает не «перейти к обсуждению персон», а «перейти к поношению особ».

Слово «личность» используется классиком и в более привычных для нас значениях: «человек», «лицо в его человеческом достоинстве», например: «личность его противников никогда не была им оскорблена», «личность ограждена цензурою».

В словаре Даля «личность» толкуется как «лицо, самостоятельное, отдельное существо». Учтено там и доминирующее у Пушкина значение «личная обида, хула, оскорбление лица; намек на человека».

Для обсуждаемой нами темы существенно, как используется слово «личность» в синодальном переводе Библии, первоисточнике русской религиозной мысли. В Ветхом Завете слово «личность» не встречается. Однако оно неожиданно возникает во Втором послании к коринфянам апостола Павла: «На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы» (10:7). Характе-

рен контекст, в котором употреблено это слово. Несколькими стихами выше говорится: «Я же, Павел, который лично между вами скромн...» (10:1). Чуть ниже заходит речь о «личном присутствии» (10:10—11). Интересно, не связано ли концентрирование внимания на своей особе Павлом, гражданином Рима, с влиянием латинского слова *persona*? Кроме приведенных примеров в Библии имеются еще два слова с корнем *личн-*.

Насколько можно судить, в оригинале и большинстве переводов начало седьмого стиха означает примерно следующее: «смотрите на то, что перед вами». Тем самым, речь вообще идет не о *личности*, а о лице, субъекте.

Сделанные лингвистические наблюдения находятся в известном противоречии с распространенной точкой зрения, отстаиваемой и Бердяевым, что идея личности формируется лишь в христианстве.

В современном русском языке слово *личность* неоднозначно. Говоря о личности, как правило, имеют в виду либо отдельного человека (индивидуума), либо его индивидуальность, совокупность характерных черт.

Чаще всего личность характеризуют с точки зрения экстраординарности: *яркая* (необыкновенная, незаурядная, примечательная, феноменальная, исключительная, выдающаяся) *личность*. Здесь подразумеваются особые достоинства, таланты человека. Определение *знаменитый* будет отнесено скорее к *человеку*. Отрицательная оценка — *обыкновенный, примитивный, банальный, поверхностный* — также связываются с *человеком*. *Творческая личность*, скорее всего, обладает значительным креативным потенциалом. В плане характера *личность* может быть *динамичной (энергичной, волевой)*. У *сильной личности* вовсе не обязательно стальные мускулы.

Темная (сомнительная, подозрительная) личность — это неблагонадежный человек.

Бывает, что два основных значения соединяются, т.е. личность понимается как человек, наделенный соответствующими чертами. Так, *харизматическая личность* — это и конкретный индивидуум (Че Гевара, Хомейни, Новодворская), и набор качеств, порождающий харизму (мужество, стойкость, бескомпромиссность). Иногда разять два значения оказывается невозможным. Что такое *притягательная личность* как не притякательный человек! *Многогранная личность* — не что иное, как разносторонний человек.

Имеются и специфические, периферийные значения. Бюрократически-правовое: *удостоверение личности, установление личности*; криминально-процессуальное: *личность потерпевшего, нападавшего, подозреваемого*. Наконец, психиатрический аспект значения демонстрирует *раздвоение личности*.

Какова концепция личности в литературе?

В величественном метатексте о настоящем человеке, созданном социалистическим реализмом, на переднем крае находится *гармонически развитая и идейно закаленная личность*. Она прошла славный путь от Павла Власова через Павку Корчагина и Павлика Морозова до следователя Знаменского.

Но в настоящей, не zaangażированной литературе с *личностью* обходились весьма вольно. «Собачье сердце» Булгакова можно рассматривать не только как сатиру на советскую действительность, но и как на полигон по обкатке иронических значений обсуждаемого слова.

В самом начале повести «*настоящей личностью*» пес-повествователь называет покойного повара графов Толстых — Власа. Трижды величает *личностью* (в том числе *бескорыстной и выдающейся*) нареченный Шариком герой своего спасителя.

В сцене в смотровой (описываемой от автора) возникает «*личность мужского пола в халате*». В своем дневнике доктор Борменталь рассказал «о надежде развить Шарика в очень высокую психическую *личность*». Вместо этого за Шариковым увязались и натворили делов две *неизвестные личности*.

В «Мастере и Маргарите» покушения на *личность* гораздо более серьезные. В кричащем противоречии с христианским персонализмом это слово трижды соотносится с нечистой силой. На Патриарших прудах литераторы встретились с *незаурядной и таинственной личностью*. Обезвредить такую *личность* было не по зубам и матерым чекистам. Еще одно упоминание относится к жертве бесов — *странной личности*, улетевшей из дому, как птица.

Юридический контекст представляет телеграмма Лиходеева с просьбой о *подтверждении личности*.

Наконец, единожды *личность* употреблена в аспекте Богочеловека, и то в отрицательной модальности: «Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как *личности*, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф».

Итак, филология демонстрирует широкий спектр употреблений слова *личность* в языке, а также разнообразные возможности стилистических трансформаций этого слова. *Личность* — это и человек, и нечто связанное с человеком, какой-то его срез, ракурс, перспектива. С одной стороны, аспект, проекция, с другой — основополагающее начало.

Но что такое *личность* в философии? Подчеркнем, что философия как таковая не существует вне философского языка. Подобных языков столько, сколько философий. Эти языки взаимонепереводимы и слабо коррелируют с обыденным языком. Попытаемся уразуметь, что стоит за словом *личность* у Бердяева.

Философия Николая Бердяева во многом определялась его мироощущением. «Моя окончательная философия есть философия личная, связанная с моим личным опытом», — признавался он в автобиографии. Революционный период его молодости способствовал личностному становлению, христианский же период жизни такого «закала личности» не создал. В принципе интересно проследить, какие свои индивидуальные качества Бердяев перенес на личность как философу.

Внутренние двигатели бердяевской философии — примат свободы над бытием, духа над природой, субъекта над объектом, личности над универсально-общим, творчества над эволюцией, дуализма над монизмом, любви над законом. В сознании Бердяева соединились два полярных начала: аристократическое понимание личности и стремление к состраданию и справедливости.

В предисловии к работе «Я и мир объектов» Бердяев отмечал: «Основная идея моей жизни есть идея о человеке, о его образе, о его творческой свободе и творческом предназначении».

Персонализм Бердяева впервые наметился в статье «Этическая проблема в свете философского идеализма», написанной в Вологде и напечатанной в сборнике «Проблемы идеализма» (1903). В книгу «Смысл творчества» (1916) вошел раздел «Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность». Самой радикальной, самой духовно революционной из своих книг Бердяев считал работу «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939).

Персонализм ставит в центр мироздания человеческую личность. Он утверждает не любовь к добру, ценности, к отвлеченной идее, а любовь к личности, к живому существу, к человеческому лицу. Бердяев всегда противопоставлял антропоцентризм космоцентризму. «Мне метафизически присуща... персоналистически-анархическая тенденция... я фанатик реальности индивидуально-личного, неповторимо-единичного... я убежденный и страстный антиколлективист», — признавался он в «Самопознании», подчеркивая, что «никогда, ни в своей философии, ни в своей жизни, не хотел подчиниться власти общего, общеобязательного». Личность — это великолепно, это звучит гордо, — вполне мог бы провозгласить мыслитель.

По мнению Бердяева, философское познание по-настоящему раскрывается только в христианстве. Христианский персонализм есть любовь к человеку в Боге и к Богу в человеке. В то же время идея растворения личности в безликой божественности была ему антипатична.

Противоречия своей мысли, противоречия духовной борьбы Бердяев не стремится прикрывать мнимым логическим единством, считая подлинным единством мысли единство экзистенциальное.

Персоналистической проблематикой пропитана вся история философии. У Бердяева она сложилась не сразу. Особое влияние на формирование воззрений Бердяева оказал Достоевский, у которого «было исступленное чувство личности. Все его мирозерцание проникнуто персонализмом».

В 1932 г. в Париже начал выходить журнал «Эспри», создателем которого был Эмманюэль Мунье (1905—1950). В его первом номере была напечатана статья Бердяева «Правда и ложь коммунизма». Рождение журнала ознаменовало возникновение французского персонализма, который наиболее близок идеям русского философа. Бердяеву было приятно сознавать, что это течение многим обязано ему. Но нетрудно убедиться, что и он многое почерпнул у французских философов.

Важной вехой в развитии философского анализа личности стал выход в 1949 г. книги Мунье «Персонализм», русский перевод которой выпустило в 1992 г. издательство «Искусство». Интересно сопоставление двух версий персонализма: представленного в названной книге и бердяевского.

Бердяев скептически относится к возможностям конкретных наук проникнуть в суть личности. Чем объективнее, общезначительнее познание, тем дальше оно от постижения смысла и ценности человеческого существования. Антропологические науки — биология, психология, социология — изучают человека как объект в ряду других объектов, как часть мира. Персонализм не может быть основан на натурализме, на эволюционной или виталистической философии, на философии жизни. Так называемые «органические» теории общества, по глубокому убеждению Бердяева, антиперсоналистичны, ибо превращают личность в орган целого. Персонализму, как дуалистической философии, противостоит как пантеизм, так и монизм.

Личность нельзя понимать как субстанцию; ее должно постигать как субъект. «Личность есть не человек как феномен, а человек как нумен», — говорит Бердяев в книге «Опыт эсхатологической метафизики» (1947), пользуясь языком гносеологии.

Каковы философские предпосылки учения о личности?

Бердяев убежден, что подлинное учение о человеке-личности может построить лишь экзистенциальная философия. В «Самопознании» он называет «экзистенциальным философом того, у кого мысль означает тождество личной судьбы и мировой судьбы».

Экзистенциальный центр находится в личности, в субъективности; он находится в «я» и в его отношении к «ты» и к «мы». Личность как абсолютный экзистенциальный центр, как центр сознания и совести, предполагает «чувствилище» к страданиям и радостям. Личности глубоко присуще состояние ужаса и тоски,

она связана с трагическими противоречиями. Самоосуществление, утверждение личности болезненно; оно предполагает сопротивление, борьбу за свой образ.

В своих зрелых сочинениях Бердяев пришел к выводу, что философию нельзя основывать на понятии бытия. Система, признающая примат бытия, ведет к «онтологическому тоталитаризму».

Бытие — это абстракция, результат категориального мышления. Предикат бытия вычленяет лишь часть конкретно-существующего, которое богаче и первичнее отвлеченного бытия. Бытие для Бердяева есть царство неизменного порядка, «застывшая, затвердевшая часть жизни». Отвлеченная идея бытия порабощает творческий дух.

Бытие как субъект Бердяев предлагает (в духе экзистенциализма) выражать иным понятием — «*существование*». Материальность есть не что иное, как овеществление существования. Мир подлинного существования — мир субъективности, свобода, дух. В первичной субъективности бытие не дано, у нас нет опыта данности бытия.

Возражая философу, заметим, что с логической точки зрения все идеи — бытия и ничто, атома и вселенной — равноправны. Будучи последовательным, надо признавать, что все отвлеченное мышление подавляет творческую свободу. Неясно, что больше раздражает Бердяева: то, что приходится опускаться до уровня понятий, или конкретная нагруженность термина «бытие». Для читателя и *бытие*, и *существование* равным образом воспринимаются как термины, различаемые лишь в контексте.

Впрочем, в запасе у философа есть и совершенно неотразимый аргумент: «Бытие — продукт отвлеченной мысли, а вот этот мой любимый кот существует».

Поверим Бердяеву, что никакому «бытию» конкретное существо не подчинено. Личность, «я» первичнее «бытия», она противостоит бытию. Личность укоренена во внутреннем плане существования, т. е. в мире духовном, в мире свободы. Смерть не есть прекращение внутреннего существования личности, а прекращение существования мира, к которому она выходила на своем пути.

Существование человека *объективировано* в цивилизации, т. е. выброшено вовне, *экстериоризировано*. Объективация порабощает человека, отдает его во власть детерминации. Она означает отчуждение личности. Личность же не объект и не вещь. Она не может быть закончена, она творится, определяет себя изнутри. Овеществление уничтожает личность. Несколько увлекаясь, Бердяев изрекает: «Объект всегда злой, добрым может быть лишь субъект».

Бердяев признавал, что понимание реальности у него иное, чем в большинстве философских направлений. Учения, склонные к гипостазированию мысли, отождествляет реальность с

объективностью. Тайна же реальности раскрывается не в сосредоточенности на предмете, а в рефлексии, обращенной на акт, совершаемой субъектом («Дух и реальность», 1937). Единственно реален субъективный и персоналистический мир. Реальность личности выше, чем мира объективации.

Личность реализует себя посредством *транцендирования*. Выход из замкнутой субъективности может происходить в двух противоположных направлениях: объективации и транцендирования. В первом случае происходит отчуждение человеческой природы, выбрасывание ее в объектный мир. Второй путь пролегает в глубине существования, на этом пути происходят экзистенциальные встречи. Он приводит к *транссубъективному*.

Учение о человеке, по представлению Бердяева, есть, прежде всего, учение о личности. Истинная антропология персоналистична.

Человек — существо многосоставное, находящееся в нескольких измерениях времени, в нескольких модусах существования. Сложность человека в том, что он и индивидуум, входящий в род и социум, и личность, принадлежащая миру духовному. Тем самым в человеке оказываются, по выражению Бердяева, два «качествования». Человек погружен в бурлящий океан первожизни и рационализован лишь частично. В нем происходит борьба духа и природы, свободы и необходимости. Внутреннее существо человека — микрокосм — потенциально содержит в себе всю вселенную, всю мировую историю.

Быть личностью, патетически восклицает Бердяев, призвание, задание, идеал человека. Личность есть реализация в природном индивидууме его идеи, Божьего замысла о нем. Неясно, однако, может ли человек стремиться одновременно к нескольким идеалам, содержать в себе «зародыши» нескольких личностей?

Не каждый, даже одаренный, своеобразный человек является сложившейся личностью. В человеке содержится много не «личного»: родового, исторического, социального, классового, семейного, наследственного, подражательного, много «общего». Личное и не личное борются в человеке, зачастую приводя к несчастью, катастрофе. В человеке наличествует и демоническое начало, которое человек может предпочесть Богу.

Наиболее ярко выражает образ личности Рыцарь. Крайне далеки от личности как буржуа, «иногда очень распухший индивидуум», так и пролетарий, у которого человеческая природа наиболее отчуждена. Демократический век — век мещанства — неблагоприятен для появления сильных личностей.

На примере героев Пруста Бердяев рассматривает разложение личности, цельности «я», диссоциацию души. Тот же диагноз

ставится и Андрею Белому, — яркой индивидуальности, твердое ядро личности которым было утеряно.

Человек, по Бердяеву, существо, преодолевающее себя и мир, вечный протестант против действительности. С одной стороны, он борется за личность, в противоборстве со стихией он на стороне логоса. С другой стороны, он восстает против ограничений, налагаемых личностью, жаждет приобщиться космосу, тому лону, из которого он вышел. Восстание против отца (Эдипов комплекс) принимает форму борьбы против власти, разума, нормы, закона.

Обсуждение любого предмета рано или поздно упирается в потребность уточнить, о чем все-таки идет речь. Что касается науки, то она начинает с определений, разворачивая на их базе стройную систему следствий. Философ же исходит из неопределенных интуиций, смелых ассоциаций, прихотливых образов. До четких конструкций он может так и не дойти. Духовный опыт может быть выражен лишь в символах, а не в понятиях.

Строгой дефиниции личности (как и многих других концептов) у Бердяева не найти. В близкой для нашей темы ситуации он пишет: «Рациональное определение духа невозможно, это безнадежное предприятие для разума. Дух умерщвляется таким определением, он превращается в объект, в то время как он есть субъект. О духе нельзя выработать понятия». Эту точку зрения разделяет, к примеру, и Мунье: «определять можно только внешние по отношению к человеку предметы, те, что доступны наблюдению».

Бердяев уверен, что невозможно выработать единого понятия о личности, коей органически присущи противоположности. Личность — исключение, а не правило, никакой закон не применим к ней. Личность есть парадокс для объективированного мира. В своем внутреннем существовании, в своей единственности и неповторимости личность остается иррациональной.

Личность — живое противоречие между личным и социальным, человеческим и сверхчеловеческим, реальным и идеальным, формой и содержанием, конечным и бесконечным, временем и сверхвременным, свободой и судьбой.

Тайна личности в ее абсолютной индивидуальности, однократности, единичности. Личность не походит ни на что другое в мире, она своеобразна и незаменима. У личностей в принципе могут быть черты сходства. Но сравнение не затрагивает сути, конституирующей их. В книге «О рабстве и свободе человека» (1939) Бердяев тонко выражает личностную уникальность: «Личность существует своим не общим выражением, не тем, что у нее два глаза, как у всех людей, а необщим выражением этих глаз».

Личность обладает «сдерживающей формой», позволяющей ей не смешиваться с окружающим миром. «Личность есть граница власти природы, власти государства, власти общества», — утверждал Бердяев в итоговой работе «Царство духа и царство кесаря» (1949). Он не согласен с М. Шелером, который считает, что личность не предполагает ничего вне себя. Отрицательной границей личности служит «не я».

Еще в книге «Миросозерцание Достоевского» (1923) Бердяев писал: «Образ человека, границы личности не без основания связываются с началом аполлоновским, с началом формы». Ощущение границ личности обостряет личное сознание. Материю для оформления личности предоставляет общество и природа. Но актуализируется в личности лишь индивидуально-особенное.

Личность предполагает аскезу, т. е. сохранение форм личности, концентрацию духовных сил. В то же время в «Самопознании» Бердяев вспоминал: «У меня была сильная реакция против революционного аскетизма русской интеллигенции, который подавлял личность, отрицал ее право на творческую полноту».

Личность имеет единственный, неповторимый образ, *гештальт*. Последний термин Бердяев заимствует в гештальтпсихологии, которая лучше других направлений совместима с персонализмом. Тело также органически принадлежит образу личности. Целостный образ личности присутствует во всех ее актах. Личность реализует свой образ через качественные ценности, устремляясь к образу высшего бытия. Идеальный образ человека есть образ Божий.

Личность не вмещается в сплошной жизненный процесс, непрерывную эволюцию мира. Когда она вступает в мир, вещает Бердяев, мировой процесс изменяет свой ход. Осуществление личности возможно лишь через противоречия и разрывы причинных связей. Личность — прорыв, внесение новизны, трансцензус.

Бердяев отвергает образ личности как замкнутой монады. В своем внутреннем существовании личность не является слагаемым, клеткой, функцией рода, природы, общества.

Личность включает в себя универсум, но это происходит лишь в плане субъектности (экзистенциальности). Личность и сама универсум, причем в индивидуально неповторимой форме. Она есть соединение универсально-бесконечного и индивидуально-особого. Универсальность личности должна пониматься не как общее, абстрактное, а как полнота, конкретное.

Эти положения Бердяев иллюстрирует следующим образом: «Солнце экзистенциально находится не в центре космоса, а в центре человеческой личности».

Для нашего философа личность есть первичная целостность. Она может быть определена как единство в многообразии. Един-

ство личности — это и овладение самим собой, победа над рабством и страхом. Как соотносятся мир и личность?

Объективированный мир имеет тенденцию подавлять личность. Идеи «мирового порядка» и «мировой гармонии», связанные с объективированным миром, Бердяев считает «кошмарными». Личность не есть продукт биологического процесса и общественной организации.

Личность возвышается над естественным бытием, восстает против рабства у природы. Разрыв с мировой данностью, невозможность приспособления к ней сопровождается тоской, чувством одиночества, покинутости. Личность переживает свое отчуждение, ощущает бездну, отделяющую ее от высшего мира. Личность — гражданин царства Божьего, а не царства кесаря.

Человеческое существо рождается от человека во времени, человеческая же личность творится Богом, в вечности. Личность создается логосом, космосом же создается лишь индивидуум.

Личность, утверждает Бердяев, формируется не объектным миром, а субъективностью. Принцип личности — не самосохранение, а самовозрастание и самопреодоление. Это связано с жертвой и самоограничением. Личность не есть готовая реальность, человек выковывает свою личность (но это совместимо с тем, что личность — детище духа). Осознавшая себя личность слушает внутренний голос и повинуетя лишь ему.

Реализация личности требует величайшего духовного усилия, она есть неустанная борьба, овладение собой и миром. Личность есть выбор и напряженность воли, прежде всего в борьбе со злом. «Пробуждение личности есть позднее пробуждение», — с горечью констатирует Бердяев в сочинении «Царство духа и царство кесаря» (1949). В подобном контексте Э. Мунье говорит о «нескончаемом завоевании».

Борьба за личность происходит, по представлению Бердяева, в духовном мире, в вечности. Однако не снимает ли это ответственность с самого человека?

Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается. Но при этом личность сохраняет свою тождественность. Личность имеет неизменную основу, несмотря на то, что в ее реализации что-то меняется.

Поскольку трансформации происходят с одним и тем же субъектом, это предполагает изначальное существование личности. Поэтизируя этот парадокс, Бердяев говорит: «Личность в начале пути, и она лишь в конце пути». Меняясь, личность не должна изменять себе, своему призванию и предназначению, сохранять верность в отношениях с другими.

Человек не может быть средством или орудием для той или иной цели, идеи, даже для сверхличного, божественного. Всякая личность есть самоцель и целеполагание.

К *экзистенциалам* личности могут быть отнесены: свобода, творчество, судьба, вера, совесть. Реализация личности есть достижение внутренней свободы. Свобода необходима не только в обществе, но от общества.

Личность в человеке не детерминирована наследственностью, биологической и социальной. Все личное в человеке противоположно автоматизму. Она противится всякой заданности извне. Человек, как нравственное существо, не мог бы существовать в телеологически детерминированном мире. Личность не может быть детерминирована даже Богом.

Позволим себе заметить, что Бердяев не вполне улавливает диалектику свободы (которая для него абсолютное благо) и необходимости (представляющейся ему безусловным злом). Всякий закон, всякое ограничение вызывают у него резкое неприятие. Более тонко воспринимает эту проблему Мунье, признавая, что каждый новый детерминизм, «открываемый учеными, вводит вместе с тем в нашу жизнь еще одну степень свободы». Действительно, трение сковывает движение, но далеко ли уйдешь по скользкому льду?

Фундаментальные *права личности* — это свобода совести, свобода мысли, свобода творчества, достоинство человека. Свобода — не просто декларация прав человека, но его долг быть личностью, проявить силу характера. Восставая против насилия, личность берет на себя ответственность за все вокруг. Парадокс же в том, что человек предпочитает быть рабом в самых разных ситуациях.

Личность, согласно Бердяеву, призвана к творчеству; ее конституируют самобытные, творческие акты. Но граница, отделяющая человеческое творчество от творчества Божественного, непреодолима.

Личности нет без личной *судьбы*. Главное для личности не целесообразность, а судьба, понимаемая как антиномическое сопряжение свободы и неотвратимости. Постановка целей — рациональная сторона существования личности, переживание же единой целостной судьбы — ее иррациональная сторона. Личность скрепляется памятью и верностью, она связана с единством судьбы и биографии.

Человек, по Бердяеву, живет и держится *верой*. В «Самопознании» он писал: «Вера и убеждение выражают синтез душевной жизни, достигнутый ею целостный образ, образование личности. Сомнение, дующий скепсис означает распадение этого синтеза, собранности личности».

В этике Бердяева *совесть* — не отдельная сторона или функция человеческого естества. Природа совести не социальна, а духовна, это глубина, на которой человек соприкасается с Богом.

В книге «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1947) совесть отождествляется с сознанием вины. Самый беспощадный суд — собственный суд, мучение совести.

Как в представлении Бердяева связаны *индивидуум* и личность? Индивидуум — всего лишь натуралистическая, биологическая, социологическая категория. Он связан с материальным миром, не имеет универсального содержания. Индивидуум подчинен некоторому целому, мыслится как его часть, представляется чем-то неделимым.

Индивидуум порождается биологическим родовым процессом, но он, как и род, смертен. Человеческий индивидуум ведет мучительную борьбу за выживание. Ему свойственны конформизм, приспособленчество, эгоцентризм. Личность же не разделяет судьбы рода, она бессмертна. Индивидуум природно и социально детерминирован, личность же во многом иррациональна.

Индивидуальное в большей степени присуще личности, чем индивидууму. Индивидуальность имеет скорее витальный, чем духовный характер.

Заметим, что Бердяев нередко говорит о личности как о существе. Это озадачивает, поскольку *существо* принято понимать как «живой организм», а личность в его понимании не есть «животная особь».

Личность «духовно-душевно-телесна». Ее не следует отождествлять с *душой*, противопоставляя последнюю телу. Дуализм существует не между душой и телом, а между духом и природой. Без духовного начала душевная жизнь распадается на отдельные переживания. Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами.

Тело человека есть прежде всего форма, а не материя. Форма тела не сводится к физической стороне, она есть победа духа над природным хаосом. Материя («плоть и кровь») не наследует вечности.

В человеческую целостность входит не только тело, но и *лицо*. Человеческое лицо уникально. Через него просвечивает иной мир, воспринимается душевная жизнь человека. Выражение глаз есть, по Бердяеву, *существование* в чистом виде.

Общение личностей осуществляется прежде всего через лицо. Восприятие лица есть проникновение в душу и дух, а не оптический феномен. Лицо человека хочет отразиться в другом лице, в «ты». Идеальным зеркалом является лицо любящего.

В «Самопознании» Бердяев вспоминал: «В стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим раньше выражением... Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних

русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные».

«Я» следует отличать от «личности». «Я» — это первичная данность. В моем «я» есть многое не от меня. «Я» осознается раньше, чем создается личность. «Личность» же есть качественное достижение. «Я» реализует личность через путь, лежащий в объективированном мире. Личность есть двойное освобождение: от рабства «я» и от рабства «не-я». Если «я» есть изначальная данность, то личность есть заданность, — заостряет Бердяев противопоставление между этими концептами. «Я» Фихте личностью он не признает.

В человеке необходимо различать глубинное и поверхностное «я». Поверхностное «я» — социализированное, рационализированное, цивилизованное — не есть личность в человеке, оно может быть искажением образа человека. По мнению Бердяева, оно не способно к общению, хотя на наш взгляд вполне могло бы участвовать в коммуникации.

Личность не может быть самодостаточной. Она нуждается в выходе к другим, в любви, дружбе. Но это не означает экстериоризацию и объективацию. Другое не есть внешнее, отчужденное, хотя личность другого и остается тайной.

Личность предполагает существование «ты» и «мы». Встреча с личностью есть встреча с «ты», т. е. с другим «я», а не с объектом. Общение «я» и «ты» образует «мы».

В стихийных же, массовых состояниях самосознание «я» угадает: «я» растворяется в «оно». Социальный коллектив, масса, толпа — не соборное «мы», а бессознательное «оно».

В социальном окружении личность хочет занять определенное положение, стремится играть роль, теряет лицо и сживается с личиной. Надевая маску, она перевоплощается в навязанный ей лик. Существо в маске оказывается одиноким. Человек может иметь много ликов, и его образ личности будет неуловим. Но в театральности есть также желание оградить себя от окружающего мира, остаться самим собой.

«Я страдаю, значит, я существую. Это вернее и глубже декартовского *cogito*», — указывает Бердяев в книге «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1947). Причина страдания — в столкновении «я» с чуждым «не-я», дисгармоничностью, непреодолимостью состояния субъекта.

Многие людские несчастья связаны с поглощенностью своим «я». Борьба за личность является борьбой против помешательства на своем «я». «Затвердевая самость» не есть личность. Эгоцентризм, индивидуализм — раб самого себя. Эгоцентрическая самозамкнутость и сосредоточенность на себе рассматриваются Бердяевым как первородный грех. Эгоцентризм есть раз-

ложение личности. Но почему бы не рассматривать его как своего рода коллапс, сжатие личности в точку?

В книге «Я и мир объектов» (1934) Бердяев проводит принципиальное различие между *сообщением* (коммуникацией) и *общением* (коммунионом). Во внешнем мире «я» поставлено перед объектом. Природа с ее законами, семья, общество, государство, социальный класс представляют для личности «Ес», «Оно». *Сообщение* осуществляется в социализированных образованиях и группировках, подразумевает разобщенность между людьми, находится под знаком детерминации, общеобязательности.

Общение же воплощается в мире экзистенциальном, принадлежит царству свободы. Общение онтологически реально; сообщение же символично, условно-знаково.

Широта и универсальность сообщения противоположна интимности и близости общения. В сообщениях человек остается одинок. Но и общение нелегко, ибо личности представляют разные миры, лишь частично открывающиеся друг другу.

Одиночество личности связано с ее ущемленностью в мире, с превращением ее в объект. Тоска одиночества утоляется лишь в общении; выход из одиночества есть выход в дух. Подлинное общение, по мысли Бердяева, возможно лишь в плане существования, оно есть просвет иного мира. Общение, взаимоприобщенность имеет религиозный смысл, предполагает максимальную духовную общность, близость душ. Но это предполагает соучастие в единстве, объемлющем «я» и «ты». Подобное взаимопроникновение происходит в Боге.

Персонализм признает важность *психической* жизни человека, заключающей в себе активное творческое начало. Но, работая на общем поле с психологией, он сходится с ней далеко не во всем. Многие общие понятия получают в двух ветвях знания различный смысл.

Бердяев признает сложное и противоречивое отношение между *сознанием* и *личностью*. С одной стороны, в работе «Я и мир объектов» он заявляет: «Личность совсем не имеет обязательной связи с психофизической организацией и с сознанием, она вкоренена в ином порядке». В той же работе читаем: «Личность имеет бессознательную основу, но предполагает обостренное самосознание, сознание единства в изменениях». В книге же «О назначении человека» утверждается: «Сознание лично и вырабатывает личность».

Сознание, прежде всего, обеспечивает единство «я», а также отличие «я» от окружающего мира. Сознание возникает в отношениях «я» и «не-я», оно означает выход из «я». Сознание — своего рода граница, предохраняющая от смешения и растворения.

Природа сознания во многом социальна, предполагает объединение «душ», их единение и взаимопонимание. Социализированное сознание подчинено закону, соотносится с логическим началом. В то же время оно соборно, сверхлично, возвышается над замкнутым в себе душевным мирком. Сознание не пассивно отражает действительность, а направлено на определенные сферы. Разным ступеням сознания открываются те или иные миры.

Одно лишь сознание не обеспечивает цельности личности. Личность имеет стихийно-бессознательную основу. Человеческое сознание находится между двумя безднами, между сверхсознанием и подсознанием. Повседневная жизнь протекает в средней, промежуточной полосе сознания. Сознание не только просветляет, преображает темные стороны души, но и загоняет проблемы вовнутрь, порождая конфликты.

Человек защищается сознанием от хаоса своего бессознательного, проводит через цензуру сознания подсознательные влечения и инстинкты. Но это ведет к диктатуре сознания. Тем самым сознание играет как положительную, так и отрицательную роль в выработке личности.

И все же по прочтении Бердяева остаются вопросы. О чем сознании, собственно, идет речь? Сознании человека или личности? Сознаний два или оно все-таки одно? Если одно, то как оно укоренено в психике человека и его личности?

Не разумом единым определяется личность. Разум сам по себе обезличенный, общий. Интеллект не относится к ядру человеческой личности.

Личность предполагает существование страстного, эмоционального начала. Она способна испытывать страдание и радость, любить, жалеть, сострадать. С другой стороны, она обязана контролировать свои аффекты. Одержимость (идеей или страстью) рискует сместить духовный центр человека.

Память чрезвычайно существенна для тождества и единства личности. В персонализме Бердяева память есть усилие духа. Припоминающее сознание вбирает весь мир и историю во внутреннее существование «я».

Бердяев признает существование личной *воли*. Сильная личность имеет выраженный характер. Это сосредоточенность, владение собой, способность к выбору и сопротивлению. Характер есть победа духовного начала в человеке; он означает независимость личности, ее несогласие на рабство. Темперамент же, в отличие от характера, есть природная данность.

Итог «психологическому» рассмотрению личности подводит суждение Бердяева из работы «О рабстве и свободе человека» (1939): «Личность есть мое целостное мышление, мое целостное воление, мое целостное чувствование, мои целостные творческие акты».

Человек — существо половинное, полярное; он есть личность и космос, логос и земля, мужское и женское. С точки зрения Бердяева, *пол* означает ущербность и неполноту человека. Поскольку следствием половой жизни является продолжение рода, наиболее интимная сторона личности оказывается вместе с тем наиболее социально регулируемой.

Женская стихия сильнее связана с родом. В мужском же сильнее личность, творящее начало. Соответственно, пол в мужской природе частичен, в женской — целостен. Но личностно-человеческое начало, оторванное от женского, не может утвердить идеальный образ человека. Человек рождается из материнского лона, но он нуждается в оплодотворении мужским началом. Заметим, что Мунье, заявляющий «женщина — тоже личность», более феминизирован, чем Бердяев.

Союз мужчины и женщины ориентируется на стремление к полноте жизни. Духовный смысл брачного соединения может быть лишь в личной любви двух существ, в стремлении к соединению в единый андрогинный образ. Соединение их исключительно с целью продолжение рода безнравственно. Бердяев видит в этом «перенесение принципа скотоводства на человеческие отношения».

Половое влечение и половой акт безличны, они объединяют человека со всем животным миром. Сексуальность безлична, эротика же носит личный характер.

Любовь — парадоксальное явление. Природное влечение сочетается в ней с духовным подъемом. Непросветленная любовь может нести с собой разрушение личности и жизни. Она профанируется обществом, пятнается и самим человеком, его приземленными страстями и волнениями.

Любовь есть восстановление личного начала в половой стихии. Она внесоциальна, что предопределяет конфликты между любовью и семьей (обществом, государством).

Любовь возвышается над миром, она направлена на образ личности, это стремление соединиться с близким, родным. Настоящая любовь направлена на неповторимо индивидуальное и конкретное лицо. Сущность ее заключается в том, что она раскрывает личность единственного, незаменимого другого, осуществляет выход из одной личности в другую. В любви другая личность открывается как «ты».

Любовь — персоналистична: любить общее и отвлеченное нельзя. Любовь по существу своему значит различие и избрание. Вопреки расхожему мнению, что любовь слепа, Бердяев считает, что любовь к личности означает видение ее тождества и единства в постоянном изменении, со всеми ее плюсами и ми-

нусами. Как бы забывая о философии, он вдохновенно говорит: «Нужно любить ни за что, любить и миловать само это живое существо».

Любовь не может быть «бескровной», отвлеченно-духовной. Личная, «душевная и горячая», любовь основана на сращении духовного, душевного и даже телесного начал жизни.

Женская любовь, — пишет Бердяев в книге «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1947), — может иметь искупительное, спасительное значение. Здесь значим образ Божьей Матери. Но чаще женская любовь — источник гибели.

Не скатываясь в эгоцентризм, любить нужно и себя, т. е. опознавать в себе личность. В то же время личность — существо не только любящее, но и ненавидящее.

Нельзя жертвовать любовью к живому во имя любви к отвлеченной идее. Отвлеченная идея Бога, по мнению Бердяева, тоже ничего не стоит. В христианской мысли значение любви приижено; она истолковывается антиперсоналистически. Личная любовь к человеку считается даже опасной. Возможной оказывается только любовь к Богу.

Как христианский философ, Бердяев признает, что любовь обращена на личность, на божественное в человеке. Но он подчеркивает, что «любовь к образу Божьему в человеке есть любовь не только к божественному, но и к человеческому».

Персоналистическая любовь не вмещается в мире обыденности и подходит к грани смерти. Она несет страдания и побеждает страдания. В любви совершается прорыв за рамки объективированного мира и проникновение во внутреннее существование. Любовь — главная сила, которая побеждает смерть, завоевывает бессмертие, стремится утвердить образ личности в вечности.

В основе персонализма — идея существования *сверхличного* (Мунье предпочитает говорить о *сверхприродном*). Реализация личности всегда предполагает вольное подчинение сверхличному. К идеальным формам сверхличного относятся смысл, идеи, ценности, идеалы. Сверхличность же сообществ — семьи, общества, нации — ставится Бердяевым под сомнение.

Идеальный образ человека есть, прежде всего, идеал личности, совершенное единство, целостность. Полнота личности невозможна без Бога, божественной высоты жизни.

Личность является носителем нравственного начала, истины, вмещает в себя бесконечное, универсальное содержание жизни. Личности не существует без служения идее. Для Бердяева смысл человеческого существования связан с освобождением от власти мира, восхождением к Богу. Отказаться можно от жизни, но не от личности, не от человеческого достоинства.

Бердяев неоднократно подчеркивает *аксиологическую*, оценочную природу категории личности.

Отношение личности к *ценностям* реализуется или в мире необходимости (что чревато рабством), или в царстве экзистенциальном, дарующем свободу. Ценность не детерминирует человеческой деятельности, поэтому она соединима со свободой личности. Человек — посредник между миром ценностей и миром действительности. Ценности принадлежат не миру объективности, а миру субъективности. У Мунье, с одной стороны, «ценности обладают историческим существованием», с другой — «подлинное место ценности — в живом человеческом сердце».

Человеческую жизнь регулируют ценности объективированного ряда: социальные группы, общество, государство, нация, человечество, природа. К вечным ценностям принадлежат истина, добро, красота. Абсолютную ценность имеют права человеческой личности, свобода духа, совести, мысли и слова.

В иерархии духовных ценностей первенствует личность; далее располагаются коллективные реальности: государство, цивилизация, церковь. Бердяев сетует, что в нашем греховном мире шкала ценностей перевернута. Наибольшей силой обладает государство, общество, наименьшей — личность. Свобода духа не доминирует в социуме. Этот конфликт неразрешим в мире, где сила и ценность не совпадают, где количество предпочтительнее качества. В ситуации столкновения ценностей проблему выбора личность вынуждена решать на свой страх и риск, и тогда главенствующей становится совесть.

Ценность личности определяет ее «качественное содержание», полнота жизни. Человек оценивается в соответствии со степенью раскрытия личности.

Превосходство личности означает метафизическое неравенство, приоритет качества над количеством. Равенство людей перед Богом не отрицает, по представлению Бердяева, различия их дарований, достоинств, призваний.

Тайна личности неподвластна философской мысли; ее раскрытие предполагает наполнение *Откровением*. Человек, по мнению Бердяева, окончательно раскрывается лишь через Христа-Богочеловека.

В философском плане *Бог* не есть отвлеченная идея, сущность, бытие. Он не существует в качестве находящейся над человеком объективной реальности. В богословии Бердяева Бог есть дух, свобода, акт.

Бог Откровения, Бог Библии не есть Абсолют. Абсолютное — это порождение религиозной философии и теологии. В отличие от Шелера, Бердяев считает, что личность не абсолютна.

Бог есть Личность, понимаемая «в духовном смысле конкретного образа». Он существует как экзистенциальная встреча, как трансцендирование. Бог как личность предполагает свое другое, другую личность. С Богом возможно общение, драматическая борьба; Он есть любовь и жертва. Ему присуще страдание, в Нем есть трагическое начало.

Личность есть Божий замысел. Она не рождается, а творится Богом (скептик спросит, чем сотворение человека отличается от творения личности). Личность образуется прорывом *духа* в природу. Дух конституирует личность, придает ей устойчивый центр, единство, выводит ее из ограниченного пространства и времени, просветляет и преобразует биологический индивидуум. Дух у Бердяева — мастер на все руки, где он создает и форму личности, и ее содержание, и характер человека. Может ненароком возникнуть подозрение, не находится ли личность в рабстве у духа?

В Боге одна природа, но три ипостаси, являющие собой личности. Личность Христа-Богочеловека непостижима.

Отмечая, что у Иоанна дух более личный, чем у Апостола Павла, Бердяев ставит сложную проблему: «Мыслился ли Дух изначально как личность, произошло ли гипостазирование Духа?» Личность Святого Духа следует понимать как выражение неизъяснимой тайны. «Дух воплощается и символизируется, но не становится объективным», — говорится в работе «Дух и реальность» (1937). Образ Божий есть *символическое* выражение, сопротивляющееся превращению в понятие. Но и человек — *символ*, держащий знак иного.

Экзистенциальный центр человечества находится в богочеловеческой личности Христа. В Христе одна личность и две природы. В человеческой личности универсум дан в потенциальной форме, в личности же Христа универсум актуализирован.

Бердяев ощущает, что Божественное трансцендентно человеку и в то же время таинственно соединено с человеческим в богочеловеческом образе. Личность только тогда есть личность человеческая, когда она личность богочеловеческая, свободная и независимая от объектного мира.

Ад, по мнению Бердяева, онтологически связан со свободой и личностью, а не со справедливостью и воздаянием. Для него «ад есть нравственный постулат свободы человеческого духа». Тайна ада не поддается рационализации.

Идея ада у Бердяева имеет личностное происхождение. Вечная гибель личности — это не что иное, как пребывание в себе самой, ее абсолютное одиночество. В «Самопознании» Бердяев провозглашает, что вечные адские муки лишают жизнь смысла и ценности, ибо ставят ее под знак террора.

Бердяев разделяет интерес философии XX века к мифу. Мифотворчество он рассматривает в контексте объективации, символизации и гипостазирования. Но в этой сфере он еще менее последователен, чем в своих излюбленных областях.

Бердяев констатирует, что человеческая мысль склонна к персонификации всевозможных сил и качеств. В актах своего символизирующего сознания человек создает себе фантомы. И тогда миф играет роль едва ли не большую, чем реальность.

Мифы ориентируются на среднего, массового человека. Они, как правило, рождаются в коллективном бессознательном. Однако миф создается не только гением народа, но и профессионалами (идеологами, философами). Возникая произвольно, мифы могут использоваться предумышленно. Воля к могуществу всегда нуждалась в иррациональных символах. К услугам власть имущих мифы о справедливой войне, светлом будущем, земле обетованной, добром царе, всемогущем рынке. В нашей просвещенной цивилизации мифы продолжают играть огромную роль. Для примитивного человека миф был голосом предков. Современный же человек находится во власти средств массовой информации, «пиара». К услугам любителей мудрости мифы об объекте и субъекте, бытии и материи, сознании и бессознательном.

Бердяев делит мифы на антирелигиозные и религиозные. Первые означают закрепощенность, несвободу, неподлинность. Вторые выражают первофеномены духовной жизни. Философ призывает освободиться от всех поработавших иллюзий, перейти к подлинно человеческой реальности. У Бердяева нет сомнений, что центральным мифом человечества является миф об Искуплении и Искупителе.

Более того, Бердяев признает, что вся религиозная философия не что иное, как мифотворчество, имагинация. Даже богопознание есть гипостазирование, и оно требует воображения.

На высших ступенях гнозиса познание освобождается от власти понятий и обращается к мифу, на смену философам приходят мифологемы. Мистические факты и события имеют сверхразумный характер. Там, где заканчивается компетенция научных конструктов, в свои права вступают образ, метафора.

Сам Бердяев исповедовал «свободную религиозную философию», сближающуюся с мифотворчеством. Все его творчество можно рассматривать как создание грандиозного мифа о человеке, ключевой мифологемой которого и является *личность*.

В. Н. Калужный